ских людей, так как остальные классы еще сохраняли право готовить напитки дома, хотя это право постепенно также подвергалось ограничениям (Прыжов, стр. 46).

С половины XVI в. в Москве, торговля которой, и внутренняя, и отчасти даже и заграничная, носила еще вполне ремесленный характер, начинается поворот в сторону накопления торгового капитала. Этот поворот выразился на первых порах в образовании целого ряда царских монополий. Первые цари дома Романовых монополизировали постепенно в своих руках наиболее ценные предметы сбыта; недаром долго проживший в России Коллинс назвал царя первым купцом в своем государстве: этот купец торговал икрой, рыбьим клеем, лососиной, мехами, шелком.[1] Таким образом водка далеко не была единственным товаром, торговать которым составляло привилегию царской казны.

В течение XVI и XVII вв. царская казна еще колеблется: то она забирает в свои руки все кабаки, то жалует «тамгою и кабаком» бояр, одинаково русских, немцев и татар; то подтверждает приказ всему церковному причту и монастырям не курить вина дома, а покупать его на кружечных дворах, то сквозь пальцы смотрит на то, как монастырский кабак или корчма конкурирует с сельским (Прыжов, стр. 53—4); то отдает кабаки на откупа, то опять ставит выборных «на вере» людей торговать в нем. За всеми этими мерами кроется одна цель — «искать перед прежним прибыли», т. е. увеличивать доходность с кабаков, которая должна была пополнять оскудевшую, особенно после Смутного времени, царскую казну.

Как же был организован кабак, и почему он сыграл такую печальную роль в жизни народа, от души возненавидевшего сразу это новое учреждение?

В кабаке, в отличие от старой корчмы, можно было только пить. Управлять кабаком выбирался на год из самого населения или присылался со стороны голова и целовальник. Этот «кабацкий служитель», оторванный от своего хозяйства, не только не получал жалованья за службу, но отвечал еще за недобор кабацкой прибыли против сметных предположений, присылавшихся из Москвы, и нес ряд расходов, непосредственно связанных со своей службой: с него брали деньги на служебные поездки, с него шли в Москве взятки подьячим и приказным (Ан. Попов. Царев кабак в старом Архангельске. Ассоциация по изучению производительных сил Севера при Архангельск. Губплане и Архангельск. общ. краеведения. Бюлл., вып. I, Арх. 1927, стр. 41). Поэтому, когда выбор падал на бедняка, то, по словам

[1] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. III, стр. 80, 87—91.